

2. СОБСТВЕННИК

Можно ли сказать, что я прихожу к себе и ко всему мне принадлежащему через либерализм?

Кого либерал считает равным себе? Человека. Будь только человеком — а это ведь ты и есть,— и либерал назовет тебя своим братом. Ему нет дела до твоих личных мнений и личных глупостей, ему бы лишь увидеть в тебе человека.

Мало обращая внимания на то, чем ты являешься сам по себе, даже при строгом следовании своему принципу, не придавая этому серьезного значения, он видит в тебе только то, что ты представляешь собою вообще. Иными словами: он видит в тебе не тебя, а род, не Ивана или Степана, а человека, не действительного или единственного, а твое существо, не тебя во плоти, а дух.

Как Иван ты не был бы ему равен, так как он — Степан и, следовательно, не Иван. А как человек ты то же самое, что и он. И так как ты, как Иван, для него как бы не существуешь, поскольку он именно либерал, а не бессознательный эгоист, то он очень облегчил себе «братскую любовь»: он любит в тебе не Ивана, о котором он ничего не знает и знать не хочет, а человека.

Видеть в тебе и во мне «человека» соответствует христианскому мировоззрению, согласно которому человек для человека только понятие (например, призванный к блаженству).

Истинное христианство объединяет нас еще под менее общим понятием: мы — «сыны Божии, водимые Духом Божиим». Не все, однако, могут похвалиться, что они — сыны Божии, напротив, дух, свидетельствующий нашему духу, что мы — сыны Божии, открывает также и то, кто есть сын лукавого. Чтобы быть сыном Божиим, человек, следовательно, должен не быть сыном дьявола. Отцовство Божие не простирается на некоторых людей. Но для того, чтобы быть сынами человеческими, людьми, мы должны принадлежать к человеческому роду, быть особями этого рода. Что я представляю собою, не касается тебя как твердого либерала; это — мое частное дело, достаточно того, что мы оба — дети одной и той же матери, то есть человеческой породы, как «сын человеческий» я подобен тебе.

Что я для тебя? Быть может, телесное «я», как я хожу и стою? Ничуть. Это телесное «я» со всеми своими мыслями, решениями и страстями в твоих глазах «частное дело», тебя не касающееся, «предмет в себе». «Предметом для тебя» является лишь «я» как понятие, как родовое понятие, лишь человек как таковой, который, так же, как он, зовется Иваном, мог бы называться Петром или Михаилом. Ты видишь во мне не меня во плоти, а нечто недействительное, призрак, то есть «человека».

«Равными нам» мы в течение христианских столетий объявили самых разных людей, но всегда в меру того духа, который мы от них ожидали, например: всякого, в ком можно было

предположить жажду искупления, а потом всякого, в ком проявляется дух правдивости; наконец, каждого, в ком есть человеческий дух и человеческое лицо. Так видоизменялся принцип «равенства».

Пониманием равенства, как равенства человеческого духа во всяком случае, установили равенство, включающее в себя всех людей, ибо кто мог бы отрицать, что мы, люди, имеем человеческий, то есть никакой другой дух, кроме человеческого.

Но разве это повело нас вперед сравнительно с началом христианской эпохи? Тогда предполагалось, что у нас божественный дух, теперь — человеческий. Но если божественный дух не исчерпывал нас, то как может всецело выразить нас дух человеческий? Фейербах, например, полагает, что он нашел истину,— тем, что свел божественное к человеческому. Нет, если нас мучил Бог, то «человек» способен угнетать нас еще мучительнее. Коротко говоря: то, что мы люди,— это самое незначительное, неважное в нас и имеет только значение, поскольку оно — наше свойство, наша собственность. Правда, я, между прочим, и человек, подобно тому, как я, например, и живое существо, следовательно, животное (animal) или европеец, берлинец и т. д. Но тот, кто уважал бы меня только как человека или берлинца, тот лично мне выказывал бы довольно мало почтения. Почему? Потому что он уважал бы не меня, а лишь одно из моих свойств.

То же самое относится и к духу. Христианский дух или дух честности, или другой дух, в том же роде, конечно, может быть моим приобретенным свойством, то есть моей собственностью, но я не этот дух: он мой, но я не его.

В либерализме, таким образом, сказывается преемственность старого христианского пренебрежения к «я», к живому Ивану. Вместо того, чтобы признать меня таким, каков я в действительности, обращают исключительное внимание на мою собственность, на мои свойства и вступают со мной в честный союз только во имя того, чем я владею, как бы заключают брачный союз не с тем, что я представляю собой, а с тем, что у меня есть. Христианину нужен мой дух, либералу моя человечность.

Но если дух, который рассматривают не как собственность моего телесного «я», а как само «я» — призрак, то и «человек», который признается не как мое свойство, а как мое подлинное «я»,— не что иное, как привидение, идея, понятие.

Поэтому и либерал так же вертится в заколдованном кругу, как и христианин. Ты — человек, потому что дух человечества, то есть человек обитает в тебе, как ты — христианин, если в тебе обитает дух Христа. Но так как он присущ тебе как второе, хотя и настоящее или «лучшее», иное «я», то он остается для тебя посторонним, и ты должен стремиться стать вполне человеком.

Столь же бесплодное стремление, как и стремление христианина стать блаженным духом.

Теперь, после того как либерализм взял своим знаменем человека, можно сказать, что этим только сделан последний вывод из христианства и что христианство в действительности не ставило себе с самого начала никакой иной задачи, кроме осуществления «человека», «истинного человека». Отсюда и проистекает заблуждение, будто христианство придает

бесконечную ценность человеческому «я», что сказывается, например, в учении о бессмертии, в заботах о спасении души. Нет, оно придает ценность только человеку в отвлеченном смысле. Только человек бессмертен, и я бессмертен только потому, что я — человек. Христианство должно было действительно учить, что ничто не погибает, подобно тому как либерализм провозглашает, что все равны как люди; но та вечность, как и это равенство, относилась только к человеку во мне, а не ко мне. Только как носитель и вместитель человека я не умираю, так же как «не умирает король». Людовик умирает, но король остается; я умираю, но мой дух, человек, остается. Для того, чтобы вполне отождествить меня с человеком, нашли и выставили требование, чтобы я был «истинно родовым существом»* (Бауэр Б. Еврейский вопрос. Брауншвейг, 1842, с. 61.).

Религия человека — только последняя метаморфоза христианской религии. Либерализм — религия, так как он отделяет мое существо от меня и ставит его надо мной, так как он в той же мере возвышает «человека», в какой другая какая-нибудь религия возвеличивает своего бога или кумира, так как он делает из моего — потустороннее, так как он вообще делает из моего, из моих свойств и моей собственности нечто чуждое, а именно «сущность», словом, он ставит меня ниже человека и этим создает для меня «призвание», но и по форме либерализм проявляет себя как религия, когда он требует для этого высшего существа, для человека, ревностной веры, «веры, которая наконец докажет свою пламенную и совершенно неопределимую преданность». Но так как либерализм — религия человека, то исповедующий ее относится терпимо к представителям всякого другого исповедания (католического, иудейского и т. д.), подобно тому как Фридрих Великий терпимо относился ко всякому, исполнявшему долг верноподданного, какой бы путь он ни избрал для спасения своей души. Эту религию хотят теперь сделать общей для всех и отделить ее от всех других, признаваемых «частным делом и частным безумием», к которому, однако, должно относиться в высшей степени широко и терпимо, ввиду его несущественности.

Эту религию можно назвать государственной, или, вернее, религией «свободного» государства, не в прежнем смысле, то есть не как пользующуюся предпочтениями и преимуществами перед всеми другими в государстве, а как ту религию, принадлежности к которой «свободное государство» не только имеет право, но и обязано требовать от граждан, хотя бы каждый из них в частности был евреем, христианином или еще кем-нибудь иным. Эта религия исполняет в государстве ту же роль, как уважение к семейному началу в семье. Для того, чтобы семья признавалась и сохранялась такой, какая она есть, для всех ее членов кровная связь должна быть священной, каждый член семьи должен чувствовать благоговение перед узами кровного родства для того, чтобы каждый родственник стал в его глазах священным. Точно так же и член государственной общины должен считать святыней эту общину, и то понятие, которое для государства — самое высокое, должно быть наивысшим и для него.

Но какое понятие наивысшее для государства? Разумеется, понятие истинно человеческого общества, в которое может быть принят членом всякий, кто действительно человек, а не нечеловек. Как бы велика ни была терпимость государства, но в отношении к нечеловеческому терпимость прекращается. И все же, этот «не-человек» — тоже человек, все же «нечеловечное» — тоже человеческое: нечто такое, что свойственно только человеку, а не животному, то есть нечто «человечески возможное». Но, хотя не-человек — тоже

человек, государство все-таки его исключает из своей среды, то есть запирает его в тюрьму, превращает из гражданина в заключенного, а по теории коммунистов — в обитателя дома умалишенных или больницы.

Сказать в нескольких сухих словах, что такое «не-человек», довольно легко: это такой человек, который не соответствует понятию человека, так же как нечеловеческое несоизмеримо с понятием человеческого. Логика называет это «нелепым суждением». Разве возможно было бы сказать, что можно быть человеком, не будучи человеком, если бы не признавалась гипотеза, что понятие человека отделимо от его бытия, сущность — от явления? Говорят: хотя такой-то и человек по виду, но он все-таки не человек.

Такое «нелепое суждение» люди высказывали в течение длинного ряда веков. Более того, в течение этого долгого времени существовали только «не-люди». Кто из людей соответствовал понятию человека? Христианство знает только одного человека — Христа, и он становится своей противоположностью, не-человеком, то есть сверхчеловечным человеком, «богом». Действительный человек - лишь нечеловек.

Что такое люди, которые не-люди, как не призраки? Каждый действительный человек тем, что он не соответствует понятию человека, или тем, что он не «родовой человек», — только призрак. Но остаюсь ли я и тогда не-человеком, когда сведу до неотъемлемо присущего мне свойства человека, который превышал меня и был для меня потусторонним — моим идеалом, моей задачей, моей сущностью и понятием, так что человеком станет нечто другое — моя человечность, мое человеческое бытие, и если поэтому все, что я делаю, будет человеческим, потому что я это делаю, а не потому, что сделанное мною соответствует понятию человека? Я в действительности человек и не-человек вместе, ибо я — человек, и в то же время — более чем человек, то есть я представляю собою «я» того, что составляет только мое свойство.

Наконец пришли к тому, что от нас требуют не только, чтобы мы были христианами, а чтобы были людьми, ибо, хотя мы и не могли никогда стать действительно христианами, а постоянно оставались «бедными грешниками» (Христос ведь был именно недостижимым идеалом), однако же нелепость не так ясно сознавалась, самообман был более легким, чем теперь, когда нам, людям, действующим по-человечески и не могущим быть иными и действовать иначе, предъявляется требование быть людьми, «истинными людьми».

Наши современные государства, не отошедшие еще от наследия своей матери-церкви, продолжают налагать на граждан всякого рода обязательства (например, принадлежность к церкви), до которых, в сущности, государству нет никакого дела, но в общем они не отвергают своего истинного значения тем, что хотят считаться человеческими обществами, в которых человек как человек может быть членом, хотя и пользующимся меньшими преимуществами, чем другие члены. Большинство государств терпит у себя приверженцев всяких религиозных сект и принимают в число граждан людей без различия расы и национальности: евреи, турки, арабы и т. д. могут быть французскими гражданами; государство, таким образом, руководствуется при приеме граждан только тем, человек ли тот. Церковь, представляющая собой общину верующих, не могла бы принять в свое лоно всякого человека, а государство, как общество людей, может. Но когда государство до

конца осуществит свой принцип, по которому оно от каждого члена требует только, чтобы он был человеком (до сих пор даже в Северной Америке требуется, чтобы граждане признавали какую-нибудь религию, хотя бы только религию порядочности и честности), то этим оно выроет себе могилу. Пока оно будет воображать, что каждый из его граждан человек, они уже тем временем превратятся в эгоистов, и каждый из них будет пользоваться государством по своим эгоистическим силам для своих эгоистических целей. А эгоисты губят «человеческое общество», ибо они не относятся уже друг к другу как человек к человеку, а выступают эгоистически, как я против тебя и вас, совершенно отличных и враждебных моему «я».

Если государство должно рассчитывать на нашу человечность, то это значит, что оно должно рассчитывать на нашу нравственность. Видеть друг в друге человека и относиться друг к другу как человек — это и называется нравственным образом действий. Это совершенно то же, что «духовная любовь» христианства. Если я именно в тебе вижу человека, как я в себе вижу человека и только человека, то я забочусь о тебе, как заботился бы о себе, ибо мы представляем математическую формулу: $A=C$ и $B=C$, следовательно, $A=B$, то есть я — ничто как человек, и ты — ничто как человек, следовательно, я и ты — одно и то же. Нравственность не мирится с эгоизмом, потому что она признает не меня, а только человека во мне. Если, однако, государство - общество людей, а не собрание многих «я», из которых каждое думает только о себе, то оно не может существовать без нравственности и должно придерживаться ее.

Поэтому мы оба, государство и я,— враги. Меня, эгоиста, благо этого «человеческого общества» ничуть не интересует: я ничего ему не жертвую, а только пользуюсь им, обращая его в мою собственность и мое творение, то есть я уничтожаю его и создаю вместо него союз эгоистов.

Итак, государство проявляет свою враждебность по отношению ко мне тем, что требует, чтобы я был человеком, это предполагает, что я могу быть и не человеком и казаться ему «не-человеком»: оно вменяет мне в долг «быть человеком». Далее, оно требует, чтобы я ничего не делал, что ниспровергало бы его; его существование, следовательно, должно быть всегда свято для меня. Далее, я должен быть не эгоистом, а «честным и порядочным», то есть нравственным человеком. Словом, я должен быть по отношению к нему и его существованию бессильным, почтительным и т. д.

Такое государство — разумеется, еще не существующее, а которое должно быть только созданным,— идеал прогрессивного либерализма. Должно возникнуть истинное «общество людей», в котором есть место всякому «человеку». Либерализм хочет придать реальность абстрактному понятию «Человек», хочет человека как такового, то есть создать для него мир, и таковым, полагают, был бы мир человеческий или всеобъемлющее (коммунистическое) человеческое общество. Говорили: «Церковь могла считаться только с духом, а государство должно считаться с целым человеком»* (Гесс М.54 Триархия. Дармштадт, 1841, с. 76.). Но разве «человек» как отвлеченное понятие — не «дух»? Ядро государства и есть «человек как понятие», то есть нечто нереальное, и государство само лишь «человеческое общество». Мир, который создает верующий человек (верующий дух), называется церковью, а мир, который создает человек (человеческий, или гуманный, дух)

называется государством. Но это не мой мир. Я никогда не совершаю ничего отвлеченно человеческого, а совершаю всегда свое собственное, то есть мое человеческое дело отличается от всякого иного человеческого дела, и только это различие делает его действительно моим, мне принадлежащим делом. Человеческое в нем - абстракция, и как таковая - дух, то есть отвлеченное существо.

Бруно Бауэр говорит в своем «Еврейском вопросе» (с. 84), что истина критики — конечная истина, та, которую искало христианство, она заключается в отвлеченном понятии «человек». Он пишет: «История христианского мира— история высшей борьбы за истину, ибо в ней и только в ней речь идет об открытии последней или первой истины: человека и свободы».

Хорошо, воспользуемся этим приобретением и примем человека как обретенный наконец результат христианской истории и вообще религиозных или идеальных стремлений человека. Кто же человек? Я! Человек как таковой — завершение и результат христианства, является как я началом и не использованным еще материалом новой истории, истории наслаждений, сменившей историю самопожертвований, не истории человека и человечности, а моей истории. Человек считается чем-то всеобщим. Но именно Я и все эгоистическое действительно общее, так как все эгоисты и ставят себя выше всего. Иудейское не есть чисто эгоистическое, ибо иудей все же отдает себя Иегове, и христианское тоже не эгоистическое, так как христианин живет милостью Господа и подчиняет себя Ему. Человек в качестве иудея или христианина удовлетворяет только некоторые свои потребности, только определенное стремление, но не себя; это — «половинчатый эгоизм, ибо это — эгоизм получеловека, который наполовину сам, а наполовину иудей, или наполовину собственник себя и наполовину раб. Поэтому иудей и христианин всегда наполовину исключают друг друга, то есть как люди они признают друг друга, как рабы — исключают, так как они — слуги двух различных господ. Если бы они могли быть всецело эгоистами, то они вполне исключили бы друг друга и тем теснее сблизились бы. Их позор не в том, что они исключают друг друга, а в том, что это происходит только наполовину. Бруно Бауэр, наоборот, полагает, что иудей и христианин могут увидеть друг в друге «человека» лишь в том случае, если они отрешатся от отдельной сущности, которая их разъединяет и обязывает к вечному обособлению, если они признают всеобщую сущность «человека» и будут рассматривать ее как свою «истинную сущность».

По его толкованию, ошибка иудеев, как и христиан, заключается в том, что они хотят быть и обладать чем-то «особым» вместо того, чтобы быть только людьми и домогаться человеческого, а именно — «всеобщих прав человека». Он полагает, что их основное заблуждение заключается в уверенности, что они «привилегированные» и что они обладают «преимуществами», вообще— в самой вере в привилегии. Этому он противопоставляет всеобщие права человека.

Право человека...

Отвлеченный Человек есть человек вообще, и, следовательно, он — каждый человек. Итак, каждый человек должен владеть вечными правами человека, и, по мнению коммунистов, пользоваться ими в идеальном «демократическом» или, вернее, «антропократическом»,

строе.

Отвлеченный Человек есть человек вообще, и, следовательно, он — каждый человек. Итак, каждый человек должен владеть вечными правами человека, и, по мнению коммунистов, пользоваться ими в идеальном «демократическом» или, вернее, «антропократическом», строе.

Человек — это только мое свойство (собственность), как мужественность или женственность. В античном мире идеал заключался в том, чтобы быть в полном смысле слова мужчиной; главными добродетелями были *virtus* и *arete*, то есть мужественность.

Но что бы мы сказали о женщине, которая захотела бы быть только всецело «женщиной»? Это дано не всякой, и для некоторых это было бы недостижимой целью. Женственностью же она все равно обладает от природы, это ее свойство, так что «истинной женственности» ей не нужно.

Я — человек, совершенно так же, как земля — планета. Так же, как смешно было бы утверждать, что задача земли — быть «истинной планетой», так смешно навязывать мне как призванию «обязанность быть» истинным человеком.

Когда Фихте [55] говорит: «Я — это все», то слова его, по-видимому, вполне совпадают с моими взглядами. Но Я — не есть все, а Я разрушает все, и только саморазрушающееся, никогда не имеющее бытия, конечное Я — действительное. Фихте говорит об «абсолютном» Я. Я же говорю о себе, о преходящем Я.

Как легко предположить, что человек и Я — одно и то же, и тем не менее мы видим, например у Фейербаха, что выражение «человек» должно обозначить я или род, а не преходящее, отдельное я. Эгоизм и человечность (гуманизм) должны бы означать одно и то же, но, по Фейербаху, единичный человек, «индивид», может переступить только пределы своей индивидуальности, но не стать выше законов положительных определений сущности своего рода* (Фейербах Л. Сущность христианства). Однако род — ничто, и если единичный человек может подняться над своей индивидуальностью, то именно как единичный человек; он существует лишь поскольку возвышается, поскольку не остается тем, что он есть, иначе для него наступил бы конец, смерть. Отвлеченный человек — только идеал, род — только то, что мыслится. Быть человеком не значит осуществлять идеал человека как такового (отвлеченного человека), а значит проявлять себя, единичного. Моей задачей должно быть не то, как я воплощаю общечеловеческое, а то, как я удовлетворяю самого себя. Я сам — мой род, я свободен от норм, образца и т. д. Возможно, что мне удастся сделать из себя очень немного, но это немного — все, и оно лучше того, что я даю сделать из себя другим путем насилия надо мной, посредством дрессировки обычая, религии, закона, государства и т. д. Если уж говорить о лучшем, то лучше непослушный, неблаговоспитанный ребенок, чем не по летам рассудительное дитя, лучше строптивый, чем на все согласный человек. Благовоспитанный и строптивый еще могут развиваться сообразно своей воле — они еще на пути, «разумный» и податливый человек определяется «родом», общими требованиями и т. д., которые для него — закон, он ими определяется, ибо род для него — его «назначение», его «призвание». Обращаю ли я свой взор на «человечество», на род при стремлении к

этому идеалу или на Бога и на Христа, — это не представляет существенного различия. Разве только то, что первое туманнее, чем второе. Единичный человек — и вся природа, и весь род.

Конечно, тем, что я такое, обуславливается все, что я делаю, мыслю, короче — мое выявление или откровение. Еврей, например, может желать лишь так-то, может проявлять себя лишь так-то; христианин может проявлять себя лишь по-христиански и т. д.

Если бы было возможно, чтобы ты мог быть евреем или христианином, то ты, разумеется, и породил бы только еврейское или христианское, но это невозможно, ты остаешься даже и при самом строгом соблюдении принципов эгоистом, грешником против того понятия, то есть ты — не еврей. Так как всегда и во всем проявляется эгоистическое, то старались найти более совершенное понятие, которое действительно вполне выражало бы то, что ты есть, которое было бы твоей истинной сущностью и заключало бы поэтому в себе все законы твоего проявления. Совершеннейшее в этом роде достигнуто было в понятии «человек». Понятия еврея слишком мало для тебя, и еврейское не составляет твою задачу; быть греком, немцем — тоже недостаточно. Но будь человеком, и тогда ты обрешь все, считай человеческое своим призванием.

Теперь я знаю, чем должен быть, и можно уже установить новый катехизис. Опять субъект подчинен предикату, единичный — всеобщему, опять укреплено господство одной идеи и положено основание новой религии. Это — прогресс в религиозной и христианской области, но этим не сделано ни единого шага за пределы этой области.

Переход за пределы этой области ведет в неизречимое. Для меня наш бедный язык не имеет подходящего слова, и «Слово» — логос есть для меня «только слово».

Ищут определения моей сущности. Если таковая не еврей, немец и т. д., то во всяком случае она — человек. «Человек — моя сущность».

Я сам себе отвратителен, гадок, я страшен и противен самому себе, я — страшилище для себя, сам себе несносен или никогда не удовлетворяю себя самого. Из такого рода чувств возникает саморазложение, или самокритика. Религиозность начинается в самоотречении и заканчивается завершенной критикой.

Я одержим и хочу избавиться от «злого духа». Как это сделать? Я преспокойно совершаю грех, который христианину кажется тягчайшим, — грех и хулу против Духа Святого. «Но кто будет хулить Духа Святого, тому не будет прощения вовек, но подлежит он вечному осуждению»* (Евангелие от Марка, 3, 29). Я не хочу прощения и не боюсь суда.

«Человек» — последний злой дух или призрак, самый обманчивый и вкрадчивый, самый хитрый лжец с честным лицом; он — отец всякой лжи.

Восставая против притязаний и понятий современности, эгоист безжалостно совершает самое безграничное святотатство. Ничто ему не свято.

Было бы безумием утверждать, что не существует власти надо мной. Только положение, в которое я стану по отношению к ней, будет совершенно другое, чем в религиозную эпоху: я буду врагом всякой верховной власти, в то время как религия учит дружбе с властью и покорности ей.

Отрицатель святости направляет свои силы против богобоязненности, ибо страх Божий определил бы его отношение ко всему, что он продолжал бы считать святыней. Осуществляет ли священную власть Бог или человек в богочеловеке, считается ли, следовательно, что-нибудь святыней во имя человека (гуманность), — это несколько не изменяет страха Божьего: ведь и человек почитается «верховным существом» в той же степени, как в специальной религиозной области Бог, как «верховное существо», требует от нас и страха, и почтения, и оба они внушают нам благоговение.

Настоящая богобоязненность уже давно поколеблена, в общий обиход невольно вошел более или менее сознательный атеизм, который выражается внешним образом в широком развитии «бесцерковности». Но то, что отнимали у Бога, отдавали человеку, и власть гуманности возрастала по мере того, как умалялось влияние и значение благочестия.

Человек как таковой и есть нынешний Бог, и прежняя богобоязненность теперь сменилась страхом человеческим.

Но так как человек представляет собой лишь другое верховное существо, то, в сущности, с Верховным Существом произошла лишь некоторая метаморфоза, и страх человеческий есть лишь видоизмененный страх Божий.

Наши атеисты - благочестивы.

Если в так называемую феодальную эпоху мы все получали в ленное⁵⁶ владение от Бога, то в либеральный период устанавливается такая же ленная зависимость от «человека»: прежде Бог был господином, теперь этим господином стал человек. Бог был посредником — теперь посредником стал человек, Бог был духом — теперь духом стал человек.

В этом трояком отношении ленная зависимость совершенно преобразилась: от всемогущего «человека» мы получаем, во-первых, в ленное владение нашу власть, которая называется не властью или силой, а «правом», «правом человека».

Далее: мы получаем от него в лен наше положение в мире, ибо он, посредник, способствует нашему общению, которое поэтому должно быть только «человечным». Наконец: мы получаем от него в лен нас самих, именно — нашу собственную ценность или все, чего мы стоим, ибо мы — ничего не стоим, если он не обитает в нас или если мы не «человечны». Власть, мир, я — все принадлежит «человеку».

Но разве я не могу провозгласить себя и господином, и посредником, и своим собственным Я? Тогда получается следующее:

Моя мощь - моя собственность.

Моя мощь дает мне собственность.

Моя мощь - Я сам, и благодаря ей я - моя собственность.

Версия #1

Зверобой создал 4 апреля 2025 15:34:14

Зверобой обновил 4 апреля 2025 16:00:49